

**К ИНТЕРПРЕТАЦИИ АРАБСКИХ НАДПИСЕЙ АРМЕНИИ
(VIII—XVI вв.)**

А. А. ХАЧАТРЯН

Рецензия академика АН АзССР З. М. Буниятова и доктора ист. наук М. С. Нейматовой на нашу работу¹ выявила рожденные еще в период застоя пороки исторической концепции этих авторов по освещению ряда вопросов истории средневековой Армении: подтасовка фактов, извращение исторических реалий, отклонение от фундаментальных установок исторической науки и фальсификация принципов историзма.

М. Нейматова, игнорируя нашу оценку одной из своих работ² по эпиграфике, прибегла к помощи З. Буниятова, надеясь, очевидно, украсить его именем эту рецензию. Вместо того, чтобы дать объективную научную оценку «Корпуса арабских надписей Армении», рецензенты поставили перед собой весьма неблагоприятную цель—всеми правдами и неправдами приписать нам (да и другим армянским историкам) ряд несуществующих пороков и представить как можно больше замечаний по прочтению и интерпретации нами арабских надписей, имеющих на территории Армении (с. 106—110). Конечно, мы далеки от мысли, что «Корпус арабских надписей Армении» безупречен и в нем нет погрешностей. Но авторы рецензии, по сути дела, преследовали цели, выходящие за рамки научной оценки нашей работы. Пользуясь случаем, они сотворили очередную фальшивку о «древности» государственно-административных образований, ныне входящих в состав АзССР, чтобы внести путаницу в давно известные исторические факты, подвергнуть сомнению существование армянской государственности в середине века и создать общественное мнение о тех или иных аспектах истории армянского народа. Кроме общих вопросов, касающихся истории армянской государственности, в рецензии имеются конкретные замечания по арабским надписям (и прочтению отдельных слов), на которых хотелось бы остановиться и объективно разобраться в их сути.

1. Рецензенты пишут: «Надпись из Нижнего Талина не куфическая, а выполнена насхом. Она имеет диакритические знаки и сохранила куфический элемент лишь при начертании буквы «ра» (с. 106). Очевидно, рецензенты не сочли необходимым по-настоящему ознакомиться с книгой или же они сознательно подтасовывают мои слова, поскольку о надписи из Нижнего Талина мною написано следующее: «Строительная надпись почерком насх с элементами куфи рельефно высечена в полу-»

¹ См.: З. М. Буниятов, М. С. Нейматова. Рецензия на «Корпус арабских надписей Армении VIII—XVI вв.» А. А. Хачатряна.—Известия АН АзССР. История, философия, право, 1988, № 3, с. 105—112.

² См.: А. А. Хачатрян. К расшифровке и интерпретации некоторых арабских надписей Армении (XV—XVI вв.).—Вестник общественных наук АН АрмССР, 1984, № 12, с. 50—67; об этой же книге были сделаны серьезные замечания, см.: О. Г. Большаков, М. С. Нейматова. Мемориальные памятники Азербайджана (XII—XIX вв.), Баку, 1981.—Эпиграфика Востока, XXIII, Л., 1985, с. 106—110.

три плоской декоративной ниши...»³ В специальной статье, посвященной этой надписи, говорится: «Рельефная надпись в шесть строк, выполненная насхом с элементами куфи...»⁴ Итак, у нас везде зафиксировано, что надпись из Нижнего Талина выполнена почерком насх с элементами куфи не только в буквах «ра», как полагают З. Бунятов и М. Нейматова, а еще «нун», «зайн» и явной диакритикой. Беззастенчивое искажение рецензентами моих слов справедливо охарактеризовано как мелкая подтасовка⁵.

2. Утверждение о том, что надпись из Талина (граффити на стене церкви св. Богоматери, № 2) «не похожа на арабскую, куфическую» (с. 106) голословно и не аргументированно. Если она не арабская, то какая же? Надпись не поддается прочтению, но, судя по угловатым и растянуто-горизонтальным особенностям шрифта⁶, раздельному написанию букв и отсутствию диакритических знаков, мы условно приписали граффити за почерк простой куфи и поэтому датировали надпись VIII—X вв., т. е. периодом применения этого почерка на практике.

3. Заявление о том, что надпись из Нижнего Базмаберда (№ 3) выполнена не почерком насх, а насталик, характерным для XVIII—XIX вв. (с. 106), декларативно и не обоснованно. Уцелевшие четыре слова надписи не имеют явных элементов насталика. Во всяком случае, буквы «мим», «фа», «ра», «вав» обнаруживают особенности насха—миндалевидная форма головки «мима», вертикальность его исходящего ствола, изогнутость букв «ра» и «вав» и т. д., что позволяет условно датировать надпись XV—XVI вв., т. е. периодом распространения насха в лапидарной практике. Мы, однако, не претендуем на окончательность этого вывода.

4. Вместо حسن «Хасан» и مائة «сто» рецензенты предлагают читать حسين «Хусейн» и اربعماية «четыреста». Поскольку в надписи отсутствуют диакритические знаки, можно допустить разночтение «Хусейн». Однако, вряд ли можно вместо «сто» читать «четыреста». Во-первых, после вертикальной черты нет букв «ра», «ба», «айн» (см. рис. 4 «Корпуса»). Во-вторых, надпись имеет явные элементы (см. «ба», «каф», «вав» и «та марбута») почерка простой куфи, характерные для периода VIII—X вв. Во всяком случае, слово اربع «четыре» в дате отсутствует. Датировка 170/786—787 гг. более убедительна.

5. В надписи из Анберда (№ 5) вместо слова ابو انا «Ивана (Иване)» рецензенты предлагают читать «Абу Бакр» и полагают, что в слове زكاريا «Закария» не хватает первой буквы «зайн». По этому поводу должен отметить, что эта надпись не стандартная, она не соблюдает норм арабской письменной традиции. Необычные соедине-

³ А. А. Хачатрян. Корпус арабских надписей Армении VIII—XVI вв. Вып. 1, Ереван, 1987, с. 46, см. также с. 43.

⁴ А. А. Хачатрян. Нижнеталинская арабская надпись 570/1174 г.—Историко-филологический журнал АН АрмССР, 1979, № 4, с. 188.

⁵ См.: Д. А. Оганесян. Корпус арабских надписей Армении VIII—XVI вв. Вып. 1, Ереван, 1987—Историко-филологический журнал, 1988, № 4, с. 222.

⁶ Об особенностях почерка простой куфи см.: В. А. Крачковская. Памятники арабского письма в Средней Азии и Закавказье до IX в. н. э.—Эпиграфика Востока, VI. М.—Л., с. 70—95; Она же. Арабское письмо на памятниках Средней Азии и Закавказья IX—XI вв.—Эпиграфика Востока, X, М.—Л., 1955.

ния букв (например, лигатура «алиф»+«ра» слова راكاريا) свидетельствуют о том, что резчик нередко отклонялся от точного графического правописания, тем более, когда для написания не хватало места. Если учесть эти обстоятельства, то первую букву второй строки можно читать «зайн», хотя она и похожа на «алиф». Однако, что касается прочтения «Абу Бакр» (ابو بكر), то оно невозможно по дошедшему до нас фрагменту. Во-первых, точки буквы «ба» (ابو بكر) стерты. Во-вторых, конец второй строки сильно поврежден, и вряд ли можно найти там остаток буквы «ра» (بكر). Что касается шапки над предполагаемой буквой «каф», то надо сказать, что это—«фатха» (огласовка), а не шапка. В этом можно убедиться, если учесть, что вертикальный ствол предполагаемого «каф» возвышается над так называемой шапкой и переходит дальше и выше этой полунаклонной черты—«фатхи». Таким образом, для прочтения «Абу Бакр» не хватает точки буквы «ба» и шапки буквы «каф», а буква «ра» отсутствует.

Что касается типологии надписи, то надо сказать, что она повреждена, не имеет ни начала, ни концовки, ни даты. Уцелевшие имена и слова не раскрывают полностью ее содержания. Нет признаков, указывающих на эпитафию или кораническо-назидательное содержание. Титул «амир» и нисба «ал-сарруни» (Аршрунид) дают основания предположить, что дошедший до нас фрагмент—это часть строительной надписи.

6. В надписи из Звартноца (№ 6) рецензенты вместо даты اربع اربع وخمسين (154/770—771 гг.) предлагают читать اربع وخمسين «пятьсот четыре» (504/1110—1111), что неприемлемо. Во-первых, слово خمسين «пятьдесят» четко видно: «ха-мим-син», далее следует горизонтальная линия, завершающаяся внизу наклонной чертой, которую следует восстановить как соединение букв «йа» и «нун». В результате получаем слово خمسين «пятьдесят». Предлагаемое рецензентами слово «пятьсот», как правило, пишется не отдельно خمس, а слитно: خمسمائة. Во-вторых, вытянутые по всей строке и обведенные граффити две буквы (похожие на средний «мим» и «ха») являются прочерчениями, сделанными впоследствии и не имеют отношения к первоначальному оригиналу надписи из Звартноца. Буква «ха» резко отличается от «мима» в начальной позиции: «ха» состоит из двух линий: горизонтальной и наклонной вверху линий, между тем, начальная «мим» имеет форму треугольника. Следовательно, в начале четвертой строки надо читать: «вав» (союз) и далее следует «мим» (головка) и вытянутая горизонтальная линия (растянутая часть буквы «мим»), затем следует «алиф»-«йа»-«та марбута», которые составляют слово مائة «сто». Предложенное слово خمس مائة «пятьсот» выдуманно, и рецензенты явно путают букву «мим» с «ха». Более того, грамматически не допускается употребление дважды союза «и», который зафиксирован после слова اربع «четыре» на третьей строке и в начале четвертой строки. Однако, рецензенты игнорируют его. Прочтение اربع وخمسين «пятьсот четыре» (1110—1111 гг.) неверно еще и потому, что такой почерк простой куфи, какой имеется в надписи на колонне церкви св. Григория (Звартноц) не может быть датирован XII в.

Предложенное вместо *العباس* (الياس ?) прочтение *الماس* «Алмас» (с. 107) не обоснованно, ибо буквы средний «мим» в слове нет. Она в этой надписи состоит из горизонтальной линии (нижняя часть), покрытой круглой шапкой. Прочерченная на горизонтали наклонная черта (белая) добавлена впоследствии и не имеет отношения к оригиналу. Более приемлемо прочтение *الياس* «Илиас» (или ал-Аббас) и дата 154 (770—771 гг.), которые предложены еще В. В. Бартольд⁷ в начале века.

7. Во второй надписи из Звартноца (№ 7) вместо даты «сто пятьдесят девять» (775—776 гг.) рецензенты предлагают читать «двести пятьдесят семь» (870—871 гг.). Во-первых, графически вместо «девять» можно прочитать *سبع* «семь», так как в почерке прослой куфи не имеется диакритических знаков. Буква «син» в словах *سبع* и *وخمسين* не имеет зубцов (хотя они есть в других «синах» этой же надписи, например, *سنة* и *عيسى*). Во-вторых, в конце слова *مائة* «сто» обведены черты, которые не относятся к оригиналу, они прибавлены впоследствии. Наше прочтение проверено на месте несколько раз. Возможно, кое-какие элементы прочерчений перенесены и отражены на прорисовке, в том числе, в изображении спорного слова «сто» и дают основания для разночтения «двести» (см. рис. 7, № 7 «Корпуса»).

8. В прочтении надписи из Исторического музея Армении (№ 9, рис. 9, А, Б) нами допущена небрежность: вместо слова «арбаин» (сорок) следует читать «кишрин» (двадцать). Буквы этой надписи настолько ясно видны, что не может быть и речи о другом прочтении.

9. Фрагмент надписи № 11 действительно имеет элементы насха (например, в буквах «шав» и «шун»), однако сохранившиеся два слова не дают оснований для датировки XVIII веком, предложенной авторами рецензии, тем более, что никакой сравнительный анализ ими не проводится.

10. В куфической надписи из Гарни (№ 15, рис. 15, А, Б) можно допустить разночтение *بكا* «бака» (оплакивать) вместо «бана» (построил). Однако слово «оплакивать» пишется не через долгий, а через короткий «алиф» *بكي*. Что касается искажения контуров букв при прорисовке, то следует отметить, что на фотографиях надписи буквы ясно видны, и можно проследить все особенности шрифта оригинала. Зубец буквы «ба» (в слове «Абдин») стерт и не виден даже на фотографии.

11. Возражения рецензентов по поводу почерка и даты надписи из Гарни (№ 18) беспочвенны. Во-первых, элементы куфи в надписи ясны в словах «Абу Бакр ибн Абу Исхак ва катаба» (см. рис. 18). Элементы насха в словах «Мухаммад ибн Юсуф» не дают основания датировать ее «с натяжкой XIV в.» (с. 107).

12. Надгробные памятники из Ани рецензенты предлагают датировать не XII—XIII вв., а XIV—XVI вв., подкрепляя это тем, что, якобы, «надгробные памятники, датированные XIV—XVI вв., имеются на

⁷ См.: М. Тер-Мовсисян. Раскопки развалин церкви св. Григория близ Эчмиадзина.—Известия имп. арх. ком. Вып. 7, СПб., 1903, с. 30, таб. VII—IX. Он же, Эчмиадзин и древнеармянские церкви. Вып. 1, Эчмиадзин, 1905, с. 20.

территории исторического и Советского Азербайджана» (с. 107). Во-первых, для обоснования такой датировки не приведено никаких конкретных примеров. Во-вторых, если учесть, что в Ани в 1319 г. произошло сильное землетрясение, а после походов Ланк-Тимура в 1386—1387 гг. город был опустошен и окончательно разрушен⁸, то вряд ли надгробные памятники из Ани можно датировать XIV—XVI вв. Во всяком случае, формы этих памятников, техника резьбы по камню, и, наконец, почерк надписей свидетельствует о зрелости художественного оформления, иначе говоря, они должны были быть созданы в период процветания города Ани в XII—XIII вв., но никак не позже XIV в.

13. Предложенное прочтение «Сахиб хаза Джанат насиан Бурхан» на спине фигуры барана из Ани (№ 40) неубедительно. Во-первых, после указательного местоимения «хаза» (это), как правило, следует название могилы (например, *قبر*, *قبره*, *قبره*, или *قبر*). Во-вторых, выражение «джанат насиан» не встречается в арабских надписях Армении.

14. О трехязычной надписи (№ 56) из села Елегис (ныне Алаяз Ехегнадзорского р-на АрмССР), рецензенты пишут: «По Хачатряну, имя его (ахи Таваккала.—А. Х.) в армянском тексте эпитафии не сохранилось: он его восстановил по арабскому тексту эпитафии. Из его чтения следует, что Таваккул был армянским врачом и христианином, погибшим за Христа. Это что-то неправдоподобно. Конечно же, стела с армянской надписью, которая стоит отдельно от стелы с арабским текстом, к ахи Таваккулу отношения не имеет... Из надписи явствует, что ахи Таваккул был азербайджанцем, и завия его находилась в крупном азербайджанском населенном пункте городского типа—Алайзе... Имя ахи Таваккула отсутствует в армянской надписи..., попытка автора доказать, что ахи Таваккул был армянским врачом и пал смертью мученика за Христа, не имеет оснований» (с. 107). Напрасно З. Буниятов и М. Нейматова прилагают усилия, чтобы доказать недоказуемое, игнорируют непреложные факты надписей и фальсифицируют историю этой области. Кроме этого, они извращают мои слова.

Армянскую эпитафию из Елегиса упоминают еще со второй половины XIX в. и начала XX в. С. Джалалянц⁹, Г. Каджберуни¹⁰, Г. Алишан¹¹, Е. Лалаян¹² и, наконец, С. Бархударяном был опубликован армянский текст эпитафии с некоторыми лакунами¹³. Последний упоминает также о существовании арабографической надписи над армянским текстом¹⁴. Затем факт наличия эпитафии ахи Таваккала был зафиксирован и рассмотрен М. Нейматовой (надпись датирована ею XV в. без указания конкретной даты)¹⁵. Однако арабский и персидский тексты эпи-

⁸ Р. В. Завенягин. *Անի մարաբադը. Երևան, 1988, էջ 276—279.* См. также W. Barthold—V. Minorsky. *Ani*.—El. N. E. 3 Leiden, 1979, p. 507—508.

⁹ У. Завенягин. *Ճանապարհորդութիւն ի Մեծն Հայաստան, մասն Բ. Տփլիս, 1858, էջ 154.*

¹⁰ Քաշրերունի (Բժ. Գարրիել Հովհաննիսյան). *Ճանապարհորդական նկատողութիւնք.*—«Արարատ», 1888, էջ 437.

¹¹ Ղ. Ալիշան. *Սրահան, Վենետիկ, 1893, էջ 151.*

¹² Ե. Լալայան. *Ազգագրական հանդես, գիրք 26. Թիֆլիս, 1905, էջ 67.*

¹³ Գրիգոր հայ մեմագրութիւն, պրակ 3, Վայոց Ձոր, Նդհանաձորի և Ագիգրեկովի շրջաններ, կազմեց Ս. Գ. Բաղդուարյան, Երևան, 1967, էջ 118, № 345.

¹⁴ Նույն տեղում.

¹⁵ См.: М. С. Нейматова. Эпиграфические памятники и их значение в изучении социально-экономической истории Азербайджана (XIV—XIX вв.). Автореф. док. дис., Баку, 1968, с. 936 (№ 292).

тафий ахи Таваккала с комментариями (и уточнениями армянской надписи) были опубликованы нами¹⁶.

Каждый из трех текстов эпитафии ахи Таваккала дополняет два других, и не случайно эти три мраморные плиты вставлены в плоский камень и имеют надписи на арабском, персидском и армянском языках, все они вместе составляют одну эпитафию¹⁷. Имя покойного зафиксировано в арабском и армянском текстах, и тщетны попытки рецензентов подтасовать факты армянской надписи, заявляя, что в ней, якобы, не существует имени Таваккала (с. 107), будто она «к ахи Таваккалу отношения не имеет» (с. 107). Все это делается сознательно, чтобы избавиться от весьма важной, но мешающей им армянской надписи. Разделив эпитафию на отдельные, независимые части, они смогут объявить ахи Таваккала азербайджанским деятелем и мусульманином. Однако, уместно предупредить, что попытка подтасовки фактов с целью превратить ахи Таваккала в азербайджанского деятеля потерпит неудачу. Прежде всего, имя ахи Таваккала упоминается не только в арабском, но и в армянском тексте¹⁸. Рецензенты приписывают мне слова о том, что в армянском тексте этого имени не существует, в то время как у меня написано: «Благодаря арабской надписи... устанавливается имя усопшего (Таваккал), которое до сих пор не расшифровывалось в армянском тексте»¹⁹. Авторам рецензии достаточно было ознакомиться с нашей статьей, специально посвященной эпитафии ахи Таваккала, чтобы найти там написанное армянскими буквами имя—*Թավակալ* и его русскую транслитерацию «Таваккал»²⁰, или заглянуть в рецензируемую ими книгу, чтобы на с. 67 найти переиздание арабского, персидского и армянского текстов эпитафии ахи Таваккала с русским переводом и комментариями (с. 175—176).

Разумеется, плита с армянской надписью является составной частью эпитафии ахи Таваккала и датирована почти той же датой, что и арабский текст 1351—1352 гг. Попытка показать, что дата арабской надписи неправильно прочитана нами (с. 107) и вместо «семьсот пятьдесят второй» (1351 г.) надо читать «девятьсот пятьдесят второй» (1545 г.), т. е. XVI в., по меньшей мере бесполезна. Впрочем, М. Нейматова в докторской диссертации эту надпись датировала не XVI в., а XV в.²¹ А. Д. Оганесян справедливо заметил, что З. Бунятов и М. Нейматова стремятся отделаться от весьма мешающей им даты в арабской надписи²², чтобы заявить затем, что «стела с армянской надписью... к ахи Таваккалу отношения не имеет» (с. 107), так как арабский и армянский тексты имеют различные даты. Предложенное ими прочтение *٩٥٥* («девятьсот») справедливо опровергнуто А. Д. Оганесяном. Попытка изменения даты эпитафии ахи Таваккала с 752 г. х. на 952 г. х. преследует лишь одну цель—расчленив эпитафию и насколько возможно отдалить арабскую надпись от армянской. Но подобные поползновения беспочвенны и не могут увенчаться успехом.

¹⁶ См.: А. А. Хачатрян. Трехязычная надпись из Елгиса.—Кавказ и Византия. Вып. 3, Ереван, 1982, с. 124—134 и рисунок.

¹⁷ Там же, с. 124—125.

¹⁸ С. Бархударян расшифровал его как *Թավակալ* «Тавлавал» (см.: *Դիմի*, 3, с. 118, № 345). Однако оно было уточнено нами как *Թավակալ* «Тавзаккал» (см.: А. А. Хачатрян. Трехязычная надпись..., с. 125).

¹⁹ А. А. Хачатрян. Корпус..., с. 175.

²⁰ А. А. Хачатрян. Трехязычная надпись..., с. 125.

²¹ М. С. Нейматова. Эпиграфические памятники..., с. 36.

²² Д. А. Оганесян. Указ. соч., с. 222.

З. Бунятов и М. Нейматова попытались доказать, что ахи Таваккал не только был азербайджанцем, но и «завия его находилась в азербайджанском населенном пункте Алаязе» (с. 107). Ахи Таваккал не мог быть мусульманином-азербайджанцем. Во-первых, его могила находилась на армянском кладбище, возле церкви св. Ншана. Во-вторых, традиционные христианские формулы армянского текста («Во имя Христа», «удостоился милости Христовой», «Светильником святого Григория» и др.) овидетельствуют о том, что Таваккал был христианином-армянином. Однако, он, по-видимому, жил в среде, где арабский язык был распространен и широко употреблялся в надгробных надписях²³. Кроме того, Елегис никогда не был азербайджанским населенным пунктом. Многие армянские авторы и многочисленные армянские лапидарные надписи из Елегиса и Вайоц-Дзора свидетельствуют о том, что Елегис процветал в XIII—XIV вв. при князьях Орбелянах, правивших не только в Вайоц-Дзоре, но и Сюнике²⁴. В IX—XIII вв. Елегис был вотчиной владетелей Сюника—армянского князя Смбата (X в.) и его потомков²⁵. И сейчас в Елегисе рассеяны различные памятники армянской культуры (хачкары, гробницы, церкви), которые до нас дошли из периода правления Орбелянов.

Этно-конфессиональная принадлежность ахи Таваккала настолько очевидна, что не может являться предметом спора. Его армянская эпитафия вместе с арабским и персидским вариантами—наглядный пример в подтверждение того, что он был христианином, армянским врачом и главой корпорации «ахи».

Вызывает удивление и неустойчивая позиция М. Нейматовой в отношении этно-конфессионального состава корпорации «ахи». Она пишет: «В Закавказье, где азербайджанцы и армяне жили по соседству, организация ахиев не имела резко выраженного религиозного характера. В этом отношении очень характерна эпитафия ахи Таваккала... Организация ахиев в Закавказье..., несмотря на различные религиозные верования и языки людей, соединяла их в одну организацию, которая могла защищать их экономические интересы против класса угнетателей...»²⁶ Сравнение этих слов М. Нейматовой с ее последующими заявлениями показывает отход от собственных позиций. Поскольку Нейматова не уверена, что ей удалось доказать этно-конфессиональную принадлежность ахи Таваккала, она, пересмотрев свою точку зрения, решила сыграть на том, что он был главой корпорации «ахи» как христианин.

Хотя «ахи» как социально-политическая корпорация возникла в результате классовых противоречий в мусульманском обществе, и ее члены и идеологи были в основном мусульмане, тем не менее, и христианские ремесленники могли примкнуть к ахи-мусульманам, видя в них экономических и социально-политических союзников в борьбе против

²³ А. А. Хачатрян. Трехязычная надпись., с. 127.

²⁴ Ստեփանոս Օրբելյան. Սյունիքի Պատմություն, Բարձրանությունը, ներածությունը և ծանոթագրությունները Ա. Ա. Արրահամյանի. Երևան, 1986, էջ 190—192, 230, 324, 329 և որիշ, Դիվան հայ վրձագրության, պրակ 3, էջ 105—120: Եր. Գրիգորյան. Սյունիքը Օրբելյանների օրոք (XIII—XV դդ.). Երևան, 1981, էջ 43—116:

²⁵ Ստեփանոս Օրբելյան, էջ 190—192, Դիվան հայ վրձագրության, պրակ 3, էջ 105—106, Բ. Խ. Հակոբյան, Ստ. Տ. Մելիք-Բախչյան, Հ. Խ. Բաբունյան. Հայաստանի և հարակից շրջանների տեղանունների բառարան, հ. 2, Երևան, 1988, էջ 182—183.

²⁶ М. С. Нейматова. Эпиграфические памятники., с. 38.

феодалов²⁷. Во всяком случае, некоторые сведения письменных источников свидетельствуют о том, что в городах Малой Азии и Армении в XIII—XIV вв. кроме чисто мусульманских корпораций «ахи» существовали смешанные мусульмано-христианские ассоциации «ахи». Так, дошедшая до нас эпитафия «ахи Пангалоса»²⁸ из Кони и сведения арабского автора Ибн Баттуты о группе греческих фитйан (فتيان روميون), находившихся на службе у правителя города Бирги (Порге, на юге Малой Азии) Мухаммада ибн Айдина (около 20 человек)²⁹, свидетельствуют о том, что в некоторых городах Малой Азии существовали если не чисто греческие, то, по крайней мере, смешанные корпорации ахи, в которые входили и «греческие фитаны». Автор XIII в. Эфлаки сообщает, что суфийский поэт Джалал ад-дин Руми (XIII в.) обратил в ислам армянских рунудов (фитйан.— А. Х.), которые пировали в тавернах³⁰. Армянские рунуды (фитйаны) или армянские «ахи» существовали в Себастии (Сивас) и Копии³¹. На существование организации армянских «ахи» в Армении указывает памятная запись синаксарая, переписанного в 1462 г. в обители Ктуц, в которой переписчик Хачатур упоминает, что он получил список от «старшего деда ахи Карапета» (Մեծ ցաւի տէրի Կարապետ)³². И наконец, в пользу существования корпорации армянских «ахи» свидетельствует и эпитафия ахи Таваккала из Елегиса (1352 г.).

Говоря о положении христианских ремесленников Малой Азии в XIII—XIV вв., известный византист С. Врионис пишет: «Городской характер организации «ахи» и сильное дервишское влияние точно допускали возможность того, что эти корпорации «ахи» не были исключительно твердыми в религиозном плане»³³. Далее, продолжая свои соображения, он приходит к выводу, что ассоциации ахи (мусульманских.—А. Х.) явно проникли во все религиозные группы³⁴, т. е. греческие, армянские и др.

Известный исламовед М. Огсон, касаясь средневековых корпораций «футувва» («ахи») и их этно-конфессионального состава, пишет: «Принципы универсализма в религии могут, как раз, решить проблему соучастия мусульман и зиммиев—немусульман, поделивших общий цех»³⁵.

²⁷ В. Гордлевский. Государство Сельджуков Малой Азии, М., 1941, с. 111.

²⁸ F. Taeschner, Beiträge zur Geschichte der Achi in Anatolien 9/14—15, Jhe.—Islamica, vol. III—IV, fasc. 5. Lipsiae, 1929, S. 20, 46—47, cp. F. W. Hasuck. Christianity and Islam under the sultans, vol. 2. Oxford, 1929, p. 383.

²⁹ رحلة ابن بطوطة، بيروت، ١٩٨٠، ص ٣٠٢.

³⁰ A. Eflaki. Les Saints des dervishes tourneaux, traduit par Cl. Huart, vol. II, Paris, 1922, p. 14, 317—320. Cp.: S. Vryonis. The Decline of Medieval Hellenism in Asia Minor and the Process of Islamization from the Eleventh through Fifteenth century. London—Berkeley, Los Angeles, 1971, p. 402.

³¹ S. Vryonis. Op. cit., p. 401.

³² ԺԵ ԳԱՐԻ ՀԱՅԵՐԵՆ ԶԵՆԱԳՐԵՐԻ ՀԻՂԱՄԱՒԱՐԱՆՆԵՐ, ժամն երկրորդ, Գաղմեց Լ. Խաչիկյան, Երևան, 1958, էջ 182, 509.

³³ S. Vryonis. Op. cit., p. 401.

³⁴ Ibid, p. 401—402.

³⁵ Marshall G. S. Hodgson. The Venture of Islam, Conscience and History in world Civilization, vol. two, the expansion of Islam in the Middle periods. Chicago—London, 1974, p. 221.

Так или иначе, дальнейшее развитие организации «ахи» в XV—XVIII вв. показывает, что, несмотря на этно-конфессиональные различия, люди могли объединиться в одну корпорацию³⁶, которая отстаивала их экономические и даже политические интересы. Кроме того, мусульманские организации «ахи» (или «футувва») и чисто армянские (или христианские) ассоциации «манук-ктричей» (молодых храбрецов) имели общие черты структуры, системы духовного покровительства, кодекса чести и социально-философских идей, на которых построена их идеология.

15. Предложенные рецензентами разночтения «Макбара» и «Шахир» относительно эпитафии из Норадуза (№ 55) и воспаления лакун за служивают внимания, и мы учтем их в нашей дальнейшей работе.

16. Рецензенты возражают против прочтения имен в двух эпитафиях из села Урут (№№ 58, 59) Сисианского р-на АрмССР и их интерпретации, стараются найти «азербайджанских и албанских аборигенов в Зангезуре» (Сюнике). В специальной статье и в своей книге³⁷ мы показали, что захороненные в селе Урут «Амир-Васак сын катхуды Авлакума Вагудлу» и его отец «Авлакум Вагудлу» были армянскими князьями из рода Буртеянов (Буртеллу), которые для сохранения собственных владений и княжеского положения обратились в ислам (в XV в.). Об этом и свидетельствуют их имена и титулы. Хотя этот вопрос неоднократно дискутировался³⁸, тем не менее, М. Нейматова, а на этот раз и З. Бунятян, продолжают оспаривать этническую принадлежность захороненных в Уруте людей и повторяют прежние свои доводы, несостоятельность которых была доказана. Более того, факт наличия некоторых тюркоязычных двустиший в отдельных эпитафиях (№№ 64, 68, 71) села Урут они выдают за аргумент в подтверждение того, что «Зангезур (Сюник) был населен албанскими и азербайджанскими аборигенами». Однако наличие тюркоязычных двустиший следует объяснять тем, что обратившиеся в ислам представители местного армянского населения (в том числе и феодальной знати) не знали языка ислама и его священной книги—арабского—столь необходимого для погребального обряда, поэтому они заимствовали эти стихотворные элементы у тюркоязычного, мусульманского населения близлежащих областей, таких как Адарбайджан, Ширван и Прикаспийские районы. Это подтверждается еще тем, что местные исламизированные резчики для оформления надгробных памятников села Урут пользовались молитвенными формулами и выражениями, не характерными для арабской надгробной

³⁶ Разумеется, наряду со смешанными корпорациями в городах Армении существовали и чисто армянские (христианские) ассоциации «молодых мужчин» во главе с «манктавагами». Показательным примером такой организации может служить армянское братство, организованное в 1280 г. в городе Ерзынка (об этом см.: *Լ. Խաչատրյան, Երզնկայի 1280 թ. կազմակերպված «Երզնկայի»-2602 ԳԱ «Տեղեկագիր» (Հայն. գիտ.), 1951, № 12, էջ 77—79; Հայ Ժողովրդի պատմություն, հ. 3. Երևան, 1976, էջ 566—568*).

³⁷ А. А. Хачатрян. К расшифровке и интерпретации..., с. 64—66; Он же. Корпус..., с. 176—177.

³⁸ Об этом см.: А. Д. Папазян. Новые эпиграфические данные о последних отпрысках армянской феодальной знати в Сюнике.—Историко-филологический журнал, 1983, № 4, с. 118—125; Он же. Возвращаясь к «дешифровке» урутской эпитафии.—Историко-филологический журнал, 1987, № 4, с. 171—180; М. С. Нейматова. Мемориальные памятники Азербайджана (XII—XIX вв.). Баку, 1981, с. 21—23; Она же. Еще раз об урудских памятниках Зангезура.—Известия АН АзССР. История, философия, право. 1985, № 4, с. 84—94.

традиции и письменной культуры. Более того, эти надписи отражают плохое знание арабского языка, в них допускаются графические, орфографические и грамматические ошибки и отклонения от классических норм³⁹ надгробных надписей. Таким образом, наличие тюркоязычных двустиший свидетельствует лишь о влиянии тюркоязычной погребальной обрядности на эпитафии Урута и вовсе не подтверждает наличие «албанских и азербайджанских аборигенов» в Сюнике. Если же следовать логике рецензентов, то арабские эпитафии должны свидетельствовать о наличии арабских «аборигенов» в Сюнике, что представляется неправдоподобным. Это же касается рельефных сюжетов на эпитафиях села Урут, имевших типичные родственные аналогии на армяноких (христианских) мемориальных и надгробных памятниках из Сисианского, Ехегнадзорского, Варденисского, Мартунинского, имени Камо районов АрмССР и датированных более ранним периодом — XI—XV вв.⁴⁰ Поиски религиозных верований и бытовых сцен древнетюркских племен на урутских рельефах обречены на провал.

М. Нейматова и З. Буниятов сознательно пошли на подмену научных принципов и искажение исторических реалий, чтобы включать Сюник в Албанию, а затем объявить его территорией «исторического Азербайджана».

17. М. Нейматова выдвинула тезис о «тюркизации албанских племен Зангезура» (с. 108). Этот тезис был опровергнут А. Папазяном и нами, ибо он базировался на неправильно прочитанном и транскрибированном слове **اوغوا** «Апван» (?)⁴¹ вместо «Авгва» или «Аугуа» (?) в эпитафиях из села Урут. Второй аргумент, послуживший основой для версии о существовании азербайджанских племен в Зангезуре — это неправильно прочитанное М. Нейматовой слово **اوغول** «Огул». Мы показали, что вместо **اوغول** следует читать **ارغون** «Аргун» (имя покойного) в надписи 963/1555—1556 гг.⁴² Отсюда и следует несостоятельность этой версии.

18. Надпись из Ахпатского монастыря (№ 91) нами прочитана: «Шаханшах Ани—царь»⁴³. Рецензенты искажают текст: «Шаханшах Ани-л-мулк» (с. 109). Должен напомнить, что слово **ملك** следует транскрибировать не «мулк», а «малик» (царь). Фотография этой надписи опубликована А. Тер-Гевондяном⁴⁴. Кроме того, никаких противоречий в датировке надписи нет. Так, на с. 81 надпись датируется последней четвертью X в. Такая конкретная датировка базируется на годах правления багратидского царя Смбата II (977—990), возведшего цер-

³⁹ Подробно об этом см.: А. А. Хачатрян. Корпус..., с. 33—35.

⁴⁰ См.: А. А. Хачатрян. К расшифровке..., с. 53—58. М. Нейматова и З. Буниятов голословно повторяют версию о тюркских аборигенах Урута, но не приводят никаких доводов в ее пользу.

⁴¹ Об этом подробно см.: А. Д. Папазян. Новые эпиграфические данные..., с. 118—125; Он же. Возвращаясь к «дешифровке»..., с. 171—180; А. А. Хачатрян. К расшифровке..., с. 58—62.

⁴² А. А. Хачатрян. Корпус..., с. 71 (№ 66); Он же. К расшифровке..., с. 59—60 (рис. 4).

⁴³ А. А. Хачатрян. Корпус..., с. 81 (№ 91).

⁴⁴ **Ա. Ե. Տեր-Գևոնյան. Հաղպատի արարերին արձանագրությունը և Քաղաքում թաղապետների արտոմանը. — «Իրարեր հասարակական գիտություններ», 1979, № 1, էջ 73—74 (հիշարներ):**

ковь св. Ишана, и соответствует периоду распространения простой куфи—VIII—X вв.

19—20. Размышления рецензентов относительно изданных нами надписей из сел Баби, Нижние Азы, Дера, городов Ордубада и Нахчевана (Нахичевана) неубедительны, тем более, что предложенные новые прочтения этих надписей еще не опубликованы М. Нейматовой и З. Буниятовым. Во всяком случае, приведенные тексты учитывают все публикации Н. Ханыхова, В. Сысоева, И. Азимбекова, Х. Френа, М. Хартмана, В. Крачковский, А. Алескерзаде и М. Нейматовой. О новых прочтениях этих надписей можно судить лишь после опубликования их фотографий.

Рецензенты косвенно говорят о «турешкой школе художественной резьбы и каллиграфии», «турецких памятниках» в Хлате (с. 105, 110), «эриванской чухур-саадокой школе каллиграфии» (на примере лишь одной эпитафии) (с. 109), «местной школе мастеров каллиграфии и художественной резьбы» (с. 109) в Уруте (Воротне). Однако наличие подобных школ еще надо доказать или установить специфические особенности каждой школы на конкретных примерах, а не голословно заявлять о них. В Уруте, например, прослеживается явный разрыв в формах букв и технике исполнения графики⁴⁵. С точки зрения каллиграфии на памятниках села Урут никаких художественных элементов письма не прослеживается. Буквы выполнены грубовато и неумело, допущены всякие графические отклонения и неравномерности. Нет закономерности в орнаментике и художественном оформлении самих надгробных памятников. Сюжетные рельефы также не отличаются арельефностью художественных форм, они лишь схематически отражают конкретные мотивы. Известные нам надгробные памятники из Урута, их надписи и орнаментальность вряд ли дают основание для утверждения о «местной школе каллиграфии». Это же касается школы резьбы по камню в «Чухур-саадской области». На примере одной надписи вряд ли можно установить школу. Имеющиеся другие надписи относятся к разным периодам и почеркам.

Следует отметить еще и то обстоятельство, что мы не ставили перед собой задачу исследовать орнаментiku изданных надгробных памятников (сюда входят рельефные изображения) или сами памятники как монументы мемориальной или монументальной архитектуры. Наша цель изложена и во введении (с. 22), и в самом заглавии книги. Кроме того, если на памятниках с территории Азербайджана (Лачинский, Ярдымлинский, Мингечаурский и др. районы) имеются изображения, аналогичные сюжетам урутских памятников, то их следует указать, выявить их связи, а не заниматься бездоказательным декларированием. Более того, мы не отрицаем факт существования в Хлате «школы художественной резьбы и каллиграфии» (XIII—XIV вв.), однако проблема орнаментики и художественной резьбы надгробных памятников—это отдельная отрасль науки, выходящая за рамки арабской эпиграфики, и требует специального изучения.

Считаем излишним останавливаться на рассмотрении других столь же беспочвенных и тенденциозных суждений З. Буниятова и М. Нейматовой, таких, к примеру, как: «Армяне на протяжении нескольких лет систематически умышленно уничтожали арабоязычные надписи

⁴⁵ См.: напр. А. А. Хачатрян. Корпус..., рнс. № 38 А, 40 А, 41 А, 42 А, 43, 44 А, 45 А, 47 А, Б, В, 48 А, Б, 50 А, 52 А, 54 А, 55 и др.

(памятники) с самой территории АрмССР»⁴⁶ (с. 105), или: «Строительные надписи уничтожаются мастерами-реставраторами-армянами, ими уничтожаются такие средневековые некрополи на территории АзССР... Коммунистически уничтожены все исторические памятники» (с. 112, прим. 2). За такие высказывания и клевету в адрес армянского народа следовало бы привлечь З. Буниятова и М. Нейматова к суду. Цель подобных голословных «обвинений» ясна — настроить азербайджанский народ (да и не только азербайджанский) против армян и нанести вред дружбе народов.

Рецензенты сознательно игнорируют также факты существования армянских государственных образований в IX—XIV вв. (см. с. 106, 111) и увлекаются «изобретением» новой исторической концепции о «территории исторического Азербайджана: Зангезур, Нахичеван, Карабах, Ордубад, Гянджа и Джафарабад» (с. 106, 111). Такое расширение толкования географического понятия Азербайджан не только не имеет под собой научной почвы, но и не выдерживает критики, ибо на указанной территории в VIII—XVI вв. не существовало азербайджанского государства. Как известно, азербайджанское государство (республика) имеет недавнюю историю, оно возникло впервые после оккупации города Баку турецкими войсками во главе с Нури-пашой 15 сентября 1918 г.⁴⁷ Более того, сегодняшние государственно-административные образования АзССР не могут служить аргументом для восстановления аналогичных древних прототипов на данной территории. Такой подход противоречит принципу историзма, и следовательно, не может считаться научным.

З. Буниятов и М. Нейматова на протяжении многих лет занимались недостойными звания ученого фальсификацией исторических фактов и искажением исторических реалий, не осознавая, очевидно, что подобное пренебрежение к истории и культуре другого народа, без сомнения, является обратной стороной неуважительного отношения к культуре и истории собственного азербайджанского народа.

ՀԱՅԱՍՏԱՆԻ ԱՐԱՐԵՐԵՆ ՎԻՇԱԳՐԵՐԻ ՄԵԿԵԱՐԱՆՈՒԹՅԱՆ ՀԱՐՑԻ ՇՈՒՐՁ (VIII—XVI դդ.)

Ա. Հ. ԽԱՉԱՏՐՅԱՆ

Ա Մ Փ Ո Փ Ո Ւ Մ

Քննության ենթարկելով Զ. Բունիատովի և Մ. Նեյմատովի մեր գրքին նվիրված գրախոսության մեջ Հայաստանի որոշ արարական վիժական արձանագրությունների վերանուկարան և մեկնաբանության մասին պնդումները, հողվածում ցույց է արվում գրախոսների առաջարկված ընթերցումների մտացածին, շինծու լինելը և նրանց մեկնաբանությունների միտումնավորությունը: Այդ պնդումները և գեկլարատիվ հայտարարությունները ոչ միայն չեն հաստատվում հնագրական, վիժագրական և պատմողական աղբյուրների տվյալներով, այլև հետապնդում են որոշակի ոչ գիտական նպատակներ. աղավաղել վիժական արձանագրությունների տվյալները՝ ամեն մի արարական անվան մեջ տեսնելով «աղբյուրականական» կամ «թյուրքական» բարբերակ և որոնելով Սյունիքում՝ «աղվանական», իսկ Այրարատում՝ «թյուրքական» (որը նույնացնում են աղբյուրականի հետ) ցեղեր և պետական կազմավորումներ:

⁴⁶ Видимо необходимо напомнить рецензентам о том, что сам факт сбора арабских надписей на территории АрмССР и их издание является наглядным доказательством нашего научного интереса к памятникам арабо-мусульманской культуры и нашей заботы о спасении и сохранении этих памятников.

⁴⁷ См.: V. Minorsky. Adharbaydjan (Azarbaydjan) — EI, N. E.2, vol. 1. Leiden, 1979, p. 191.